

МАЙКЛ БУРАВОЙ,
ПРОФЕССОР КАЛИФОРНИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В БЕРКЛИ,
ПРЕЗИДЕНТ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ (США)

ТРАНЗИТ БЕЗ ТРАНСФОРМАЦИИ: ИНВОЛЮЦИЯ РОССИИ К КАПИТАЛИЗМУ*

Автор статьи обращается к книге К. Поланьи «Великая трансформация» для освещения характера и причин специфического перехода к рынку – «великой инволюции» в России. В заданном К. Поланьи широком историческом контексте (конец XVIII – середина XX в.) предлагается использовать его теорию развития Англии для современной России через деление сюжетов «великой трансформации» Англии на фазы, параллельные «великой инволюции» в России.

The author addresses to the book «Great transformation» of K. Polanii aiming at interpreting the nature and reasons of the specific transition to the market – «great involution» – made by Russia. A broad historical context (late XVIII – mid-XX cc.) set by K. Polanii enables to apply his theory of British development to Russia by splitting the plot of «great transformation» of Britain into phases parallel to «great involution» of Russia.

Мессии-реформаторы постсоветского транзита – русские и западные – считали экономику социализма столь обреченной, неэффективной и устарелой, что уверовали в рынки: они одни несут экономическое улучшение. Но все стало хуже. За 10 лет ВВП России уменьшился наполовину, уровень жизни большинства граждан упал; выросла нестабильность. Численность населения и продолжительность жизни сокращаются. Десять лет рыночных реформ были годами беспрецедентного экономического упадка.

Адвокаты шоковой терапии дают свои объяснения. У Дж. Сакса¹ – предательство МВФ, у А. Ослунда² – саботаж сталинистов-менеджеров, К. Гэдди и Б. Айкс³ пишут о заговоре с целью сохранить убыточные предприятия: шоковая терапия оказалась неполной; не было политической воли, своей или зарубежной, довести до конца реструктуризацию хозяйства. Экономисты-эволюционисты⁴ с самого начала критиковали шоковую терапию, считая, что динамичной капиталистической экономике нужны институты, которые за день не появятся. Рынки не могут автоматически создать банковскую систему, власть закона, биржи и т. д. Их нужно взрастить. Снос старого без создания нового – рецепт катастрофы, считали они.

Неолибералы и эволюционисты спорят, почему Россия отстала от Польши, Венгрии, Чехии на пути к современной капиталистической экономике. Их понимание событий в России ограничено. Они винят плохие модели за недостижение некой западной цели: плохие рецепты, плохое исполнение, не приводя данных и объяснений того, куда идет Россия. Вместо ожидавшегося неолибералами *революционного* разрыва с прошлым или ожидавшегося неоинституционалистами *эволюционного* движения к капитализму Россия пережила то, что я называю *инволюционной*** дегенерацией, вызванной ростом обмена за счет производства⁵. Экономические реформы вернули старые формы производства, общество ушло в себя, партия-государство возвратилась к феодальному строю. Да, переход к рынку есть, но без ожидавшихся экономических, социальных, политических перемен: без накопления капитала, без нацеленных на развитие общества и государства. «Транзит без трансформации» – вот мой поиск ответа.

* Публикуется по: Социол. исслед. 2009. № 9. С. 3–12. Впервые статья опубликована в 2000 г. Печатается с сокращениями.

** Концепт *инволюция* взят из описания К. Гирцем реакции крестьян Явы на экспансию голландской сахарной промышленности. Инволюция – это экономические перемены без трансформации, или, по Гирцу, «имеющиеся формы, которые застыли, так как их детали преувеличены»⁶. Я придаю *инволюции* динамичный смысл, связываю дегенерацию производства, общества и государства с экспансией обмена.

Вернуть Поланьи в Россию. Я обращаюсь к «Великой трансформации» К. Поланьи^{*} для освещения характера и причин диковинного перехода к рынку, «великой инволюции» России. Упомянутые экономисты-эволюционисты опирались на Поланьи, чтобы понять, что не сработало в России; обращались к его критике рыночного утопизма, к центральной роли государства при переходе к рынку. Отмечалась необходимость институциональных рамок для динамики и результатов работы рынков. Критики цитировали указания Поланьи на множество исторических траекторий, заменяя телеологическую картину перехода более агностицистским концептом постсоциалистической трансформации⁷ и утверждая, что нет рыночного пути к рыночной экономике, как нет и единой цели реформ экономики. Это – важные уроки Поланьи. Но я предлагаю вспомнить его более широкую историческую точку зрения: 150 лет от конца XVIII до середины XX в. Это история процесса сначала динамичной экспансии рынка, затем реакции на его рост. Это движение в России сжато до 10 лет. Его формы и последствия в корне иные, так как происходили в другом темпе и другом контексте. Чтобы связать рассказ Поланьи об Англии с современной Россией, я делю сюжеты «Великой трансформации» Англии на фазы, параллельные *великой инволюции* России.

Поланьи треть книги отвел генезису рынка, краху спинхемлендской^{**} системы социальной защиты: жизненный уровень населения поддерживался выплатами, привязанными к цене хлеба. Спинхемленд, преграда на пути к рынку труда, у Поланьи – «реакционный патернализм». Он деморализовал и унижал работников, сдерживал предпринимательскую энергию нанимателей. М. Гласман⁸ резкую критику Поланьи в адрес «тоталитарного» Спинхемленда связал с нападками либералов на коммунизм. Но у всякой аналогии есть пределы. Спинхемленд был не тотальной «плановой экономикой», а последним оплотом против рынка. Тем не менее нападки Поланьи на удушающий строй Спинхемленда делают интересными параллели с коммунизмом.

Вторая фаза началась в 1834 г., когда Спинхемленд заменили «новым законом» о бедных, отменив их прямую поддержку. Последняя преграда к саморегулируемому рынку исчезла, рабочий класс был предоставлен себе в борьбе с бедрами рыночного общества. Такой же прорыв к рынку разыгрался в России. «Великие либеральные реформы» 1992 г. освободили цены, открыли экономику силам рынка, прошла ваучерная приватизация предприятий, ввергнув население в бедствия. Как и в Англии, перед лицом экономической катастрофы российские неолибералы-утописты трубили о магических спасительных силах рынка. У Поланьи это – «либеральное кредо».

Третья фаза Поланьи – реакция против свободного рынка, общественное движение против превращения в товар земли, труда и денег во второй половине XIX в. Россия дала свой ответ на коммодификацию этих трех устоев социальной и экономической жизни. Однако это не столько активное регулирование, сколько самозащита, уход в себя.

Наконец, в четвертой фазе реакции против свободного рынка вышла на международный уровень в 1930-е гг.: отказ от золотого стандарта, нарушение баланса сил в мире, государства решают проблемы экономики – коллективизация и планирование (в СССР), фашизм, социал-демократия, новый курс в Европе и США. Посмотрим, идет ли Россия к протекционизму и

---

^{*} Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. (Англ. изд.: Лондон, 1944).

^{**} Поланьи К. Указ. соч. С. 92–100. (Гл. «Спинхемленд, 1795» и примечания к ней, с. 303–305. – Прим. переводчика).

восстановлению роли государства, или, напротив, как я считаю, перед нами некая форма неофеодализма.

Рассказ Поланьи об Англии для меня – аналитический инструмент, требующий выделения конкретных фаз и процессов посткоммунистического перехода к рынку. Это инструмент сравнения с другими постсоциалистическими странами. Но чтобы не было еще одного неверного прочтения опыта России, раскрою неявные послышки «Великой трансформации», послышки, делающие пример Англии исторически конкретным и тем самым дающие основания альтернатив в случае России.

Проблематизация «Великой трансформации». К какому историческому событию отнести «Великую трансформацию»? Принято считать, что к *подъему саморегулируемого рынка* или к тому, что Поланьи называет «рыночное общество» в Европе XIX в. Переход к рынку сопровождался тремя важными трансформациями, которые Поланьи подразумевает, но не объясняет: 1. *Экономическая трансформация* средств производства; 2. *Социальная трансформация* – выступления общества против превращения труда в товар; 3. *Политическая трансформация*, необходимая для консолидации национальной монетарной экономики. Переход в России к рыночной экономике показывает, сколь проблемны каждая из этих незамеченных, якобы очевидных трансформаций.

1. Поланьи уходит от вопроса, как рынок содействует накоплению капитала. Хотя Маркс и Вебер ставили накопление в центр анализа современного капитализма, Поланьи сознательно отодвигает его на периферию. Если акцентировать накопление, считал он, возникает опасность идеологически оправдать неизмеримые страдания людей. Но рост экономики создал ресурс для явлений, которые он выделяет: ограничение рынка, сдерживание эксплуататорских тенденций капитала регулятивными аппаратами государства, улучшение условий жизни рабочего класса. Без роста экономики социальная защита и регулирование невозможны. В России и многих других странах роста производства как раз нет; это трудно понять. Таково первое отличие: *переход без экономической трансформации* – переход к рынку без трансформации производства^{*}.

2. Говоря о трансформации общества, Поланьи сосредоточился на том, как коммодификация труда ведет к деградации культуры и морали людей. Это вызывает стихийную реакцию против рынка, в Англии – рост профсоюзов, движение за сокращение рабочего времени, чартизм, расширение политических прав рабочего класса, новые формы хозяйства – самоуправляемые кооперативы. Поланьи описывает, но не объясняет рост гражданского общества во второй половине XIX в.^{**} По Поланьи, выживание породило потребность в агрессивном социальном регулировании. Он не задает вопроса, при каких условиях это возможно. Переход в России к рынку показывает, что реакция английского общества не универсальна, она опиралась на наличные ресурсы и возможности. В России институты общества времен КПСС отступили перед миром социальных сетей, развернутых вокруг стратегических манипуляций ресурсами. Таким образом, второе отличие – *ле-*

^{*} Т. Густафсон,⁹ анализируя российский капитализм, противопоставляет переход к рынку коллапсу закона и олигархическому перевороту; соотношение сил соперников определит судьбу России. Он пишет о незавершенной революции в России. Такие рамки доказывают, что переход России к рынку уже *породил* экономическое, социальное и политическое вырождение.

^{**} У Поланьи стихия рабочего класса поднялась против деградации, порожденной рынком после отмены Спинхемленда; «Закон о бедных» – это знак рождения рабочего класса. Но на севере Англии, где не было наследия Спинхемленда, рабочий класс был. На юге закон действовал, но рабочего класса там не было¹⁰. Объяснение Поланьи, что рост общества – стихийная реакция на рынок, явно неадекватно.

реход без общественной трансформации, переход к рынку без роста активности общества.

3. Третья перемена у Поланьи (не объясненная) – суверенное государство. Д. Вудраф¹² раскрывает этот аргумент на примере бартерных отношений. Нельзя консолидировать финансовую сферу страны пакетом либеральных реформ, предварительно не консолидировав государство. Поланьи принимает как данное подчинение регионов английскому государству к началу рыночных реформ XIX в. В России развал СССР дал автономию регионам, практически не подчиненным центру. Результатом стали стратегии региональной самозащиты, местные власти вводят свои формы денег и поощряют уход предприятий от банкротства через бартер, уход от требований денежной системы страны. Иначе говоря, третья черта перехода России к рынку – *отсутствие политической трансформации*, переход к рынку без эффективного центрального государства, что препятствовало финансовой консолидации. Россия отличается не взлетом и падением рынка, а отсутствием трех сфер великой трансформации XIX в. – производства, общества, государства. Экономика пережила не неолиберальную революцию или институциональную эволюцию, а экономическую инволюцию; рынок высасывает ресурсы из производства. Вместо бурной синергии между гражданским обществом и государством – взаимное отторжение, общество уходит в себя – социетальная инволюция, федеральное государство обращается вовне, к глобальной экономике, не может сдерживать тяготение регионов к автономии – политическая инволюция. Отсюда вопрос: почему «великая инволюция», а не вторая великая трансформация?

Экономическая инволюция: экспансия рынка. Хотя Поланьи дал радикальную критику кредо либералов, рыночного догматизма, в одном пункте он отходит от замысла, отделив *генезис рынка*, слом барьеров на пути к свободному обмену, от дальнейшей *динамики рыночной экономики*. Раз вредная спинхемлендская система – последняя дамба, державшая напор рыночного общества, разрушена, следов ее в новом строе нет. Раз создана саморегулируемая экономика, ее логика отвергает всякое наследие прошлого. У Поланьи поэтому магия, а фактически катастрофа рынка работает без учета истоков, конкретного пути к рыночной экономике. Того же ждали неолибералы-реформаторы в России (и их западные советники). Они полагали, что логика рынка отправит коммунизм на свалку истории, подведет черту под прошлым, открыв будущее со всеми благами капитализма. Вместо этого рыночная экономика России пронизана Прошлым, можно сказать, подчинена ему. До «Закона о бедных» 1834 г., создавшего национальный рынок труда, Англия развивала рыночную экономику несколько веков. В России рыночную экономику ввели за день, и в суматохе черты старого строя окрепли, а не были устранены.

Чтобы понять, как прошлое мстит новому, нужно охарактеризовать прошлое. Была административная экономика; товары и услуги присваивались и перераспределялись центром. Шли переговоры административного центра с предприятиями вокруг плановых цифр и показателей. Для моих целей важны четыре черты этого строя.

1. Плановая система придала экономике *монополистический характер*, так как задания назначались конкретным предприятиям, дублирование счи-

---

¹² М. Гласман¹¹ отмечает это же в Восточной Европе. Он задает вопрос: почему постсоциалистический переход, особенно неистраченный потенциал «Солидарности», не привел к активному саморегулируемому обществу, и возлагает вину на рыночную утопическую реакцию на коммунизм – рыночный эксперимент разрушил общество.

талось растратой. В каждом регионе предприятия были организованы в конгломераты, охватывая весь сектор. Предприятия стремились наращивать свою мощь путем экспансии, монополизации производства товаров и услуг.

2. В отсутствие жестких бюджетных ограничений стремление к экспансии порождало ненасытный аппетит, углубляя тенденции к монополизму, создавая *экономику дефицитов*. Предприятия испытывали ограничения в поставках, что заставляло их включать производство поставок в свою структуру или вопреки командной экономике вступать в неформальные отношения с поставщиками. Полулегальная система бартера была организована региональными партийными чиновниками и посредниками – *толкачами*.

3. Администрируемая экономика повышала *контроль рабочих над производством*. Полная занятость дала рабочим рычаг: они, как и всё, были дефицитом. Менеджерам было трудно и контрпродуктивно избавляться от работников, которые противились поползновениям менеджеров, так как экономика дефицитов требовала гибкого приспособления к ненадежности машин и непредсказуемости материальных потоков. Результатом стал компромисс: рабочие выполняли план постольку, поскольку менеджеры создавали условия его выполнения, обеспечивали минимальный уровень жизни. Когда партия распалась и центр перестал командовать, фактические монополии укрепились. Не контролируемая ни партией, ни министерствами, эта тяга к монополии не сдерживалась ничем. Местные конгломераты действовали как гигантские торговые компании-монополии в сферах ресурсов и производства. В то же время крах распределительной экономики увеличил обмена по горизонтали, что в отсутствие притока наличности и эффективной банковской системы породило бартер. Управленцы организовывали бартерные трансакции для себя и для предприятий.

Можно считать этот новый строй углублением определенных черт старого или возникновением нового строя торгового капитала. С распадом административной экономики каждое предприятие стремилось максимизировать прибыль, но не через инвестиции в производство, а через монопольное положение в торговле. Директора, сохранив связи с органами правительства, добивались субсидий, кредитов, экспортных лицензий, не допуская неконтролируемого накопления капитала. Рабочие контролировали производство, менеджеры давали им часть прибыли от бартера, но не использовали ее для инвестиций в обновление производства. Более того, созданные ранее монополии привели Россию на путь торгового капитализма и экономической инволюции. Распад партии-государства стал основой начавшихся реформ, либерализации цен 1992 г., инфляции и дальнейшего стремления к получению торговой прибыли.

Предприятиям нужны были кредиты. Прежняя система планирования ослабла, а существовавшие до этого бюджетные ограничения были монетизированы. Как грибы росли банки; они процветали на проводке бюджетных кредитов, с одной стороны, и конвертации прибыли предприятий в прибыль директората – с другой. Долги предприятий друг другу, невыплаты зарплат стали повсеместными, счета не оплачивались. Ваучерная приватизация лета 1992 г. отдала доходы предприятий под контроль менеджмента; работники оказались зависимыми от едва живого производства.

Иными словами, реформа в России была ступенькой вниз, к торговому капиталу, усложнившей переход к «буржуазному капитализму», основанному на накоплении и саморазвитии. Это была динамичная экономика обмена в ущерб производству. Рынок открылся торговле, бартеру, банкингу и в то

же время придал новый смысл «мафии» – теневой власти, обеспечивавшей транзакции в отсутствие эффективного государства.

Производство сокращалось, долги предприятий росли, зарплаты не выплачивались или выплачивались бартером. Это «добржужазный» способ получения прибыли. Его Вебер называл спекулятивным, авантюристским, грабительским капитализмом, формой меркантилизма, а не «рациональной капиталистической организацией (формально) свободного труда», динамичного накопления. Нарастала экономическая инволюция: обмен вымывает производство.

«Великой трансформации» в России не случилось. Неолибералы-реформаторы из года в год ждали оживления рынка, рыночной революции. Реформы были радикальны, но поверхностны, изначально страдали от непредвиденных последствий. Они сняли оболочку с советского строя, обнажив стойкие субстраты, сопротивлявшиеся реорганизации экономики и ее институтов. Экономисты-эволюционисты поставили диагноз – ошибки шоковой терапии; но у них нет концептуальных инструментов для понимания неудачи реального пути России: от инволюции экономики к социетальной инволюции.

Социетальная и политическая инволюция: отход от рынка. Наступление рынка на российскую глубинку по дорогам советской экономики вызвало ответную реакцию. Инволюция экономики породила *социетальную и политическую инволюцию*. Контраст с описанной Поланьи трансформацией общества и политики показывает обращение к его самому интересному открытию – анализу квазитовара. Когда труд, земля и деньги открыты для покупки и продажи, по мнению Поланьи, они теряют сущностную природу. Когда рабочих произвольно нанимают и увольняют, труд дегуманизируется; когда земля стала товаром, рушится окружающая среда, сельское хозяйство становится рискованным; когда деньги – объект спекуляции, под угрозой выживание бизнеса.

Поэтому свободный рынок разрушает социальный строй, на котором стоит. Поланьи показал, как в Англии коммодификация земли, труда и денег подпадает под ограничения и протекционизм. Рабочие организуют союзы, кооперативы; начинается движение за ограничение рабочего дня, запрещение труда детей, чартистское движение за политические права рабочих. Общество выступает в защиту труда от крайностей обнищания, деградации, угнетения. Коммерциализация земли грозила сокрушить аграрную экономику, но землевладельцы, правящий класс укротили рынок законами и тарифами. Наконец, монетарная система страны, центральный банк гарантировали стабильность денег, контроль инфляции, обменный курс, создав ту уверенность, без которой страдает бизнес. В схеме Поланьи государство защищает квазитовары путем договорных компромиссов между рынком и обществом.

Столкнувшись с коммодификацией труда, земли и денег, Россия 1990-х пришла к фундаментально иным решениям. Если Англия реагировала на рынок активностью общества и регулятивными действиями государства, в России общество полностью отступило перед рынком к примитивным формам экономики. Государство же, не стремясь к синергии с обществом, связало себя с глобальной экономикой, с транснациональными потоками природных ресурсов, финансов, информации. Оно также оторвалось от экономики регионов, используя их природные ресурсы без заботы о воспроиз-

водстве, не говоря уже о росте. Что означает инволюция в случае каждого из этих квазитоваров – труд, земля, деньги?

Декоммодификация труда; поворот к натуральному хозяйству и мелкотоварному производству. Труд перестал быть товаром, поскольку зарплаты не выплачивались деньгами. Рабочие ходили на работу ради немонетарных ресурсов. Они использовали оборудование и материалы предприятия для себя и для других по договору. Распространяется информация о возможностях подработать на стороне, найти вторую работу. Предприниматели разбазаривают финансовые ресурсы предприятия, рабочие больше воруют по мелочам. Поскольку предприятие неформально обеспечивает социальное страхование, семьи рабочих во все большем объеме добывают средства к существованию вне сферы наемного труда. На дачах и садовых участках половина семей россиян проводит выходные и отпуска, приглядывая за детьми и выращивая урожай. Вне дач выращивается основа питания – картофель – на участках недалеко от дома. Самообеспечение не ограничивается натуральным сельским хозяйством, оно включает шитье одежды, изготовление мебели, ремонт домов, даже общее владение дефицитными товарами вроде книг и игрушек. В целом декоммодификация труда означает отступление от рынка труда к примитивным самоподдерживающимся общностям.

Декоммодификация земли и возврат к крестьянским хозяйствам. В сельском хозяйстве те же процессы¹³. Вопреки давлению Всемирного банка и МВФ, Дума отказалась приватизировать землю. Члены коллективных хозяйств могут продать свою долю земли, но только другим членам коллектива, не посторонним. Колхоз не исчез, а, как и промышленные предприятия, сменил функции. Он – благодетель в последней инстанции, но его экономическая функция сдвигается от сельскохозяйственного производства к услугам по ведению своего хозяйства его членами. Колхозу нечем платить своим членам, и они проводят все больше времени на приусадебных участках. Колхоз становится сервисным центром: аренда машин, распределение удобрений, перевозки на рынки. Все больше продукции потребляется селянами, города полны дешевых иностранных продуктов, горожане потребляют меньше или сами себя обеспечивают. Как и во всем обществе, происходит сдвиг к натуральному хозяйству. Сельское хозяйство становится опять крестьянским.

Декоммодификация денег и рост бартера. Наконец, последний мнимый товар – деньги. Предприятия не могут выжить, когда ценность денег колеблется. Средние уровни обмена должны быть относительно стабильны, что обеспечивается национальной денежной системой, регулируемой центральным банком. У России есть Центральный банк, но ей не удалось поддерживать регулируемый уровень обмена рубля. В первые два года реформ банк сдерживал инфляцию, раздавая кредиты предприятиям, чтобы спасти их. В 1994 г. начался период стабилизации, курс рубля удерживался, инфляция замедлилась. Но в августе 1998 г. рубль рухнул.

Наличие дешевых кредитов, независимость банков, возможность повышать цены в ответ на инфляцию привели к росту трансакций наличными в первые два года перехода. Ужесточение кредитной политики, центральное регулирование банков и замораживание просроченных счетов заставили предприятия обходить денежную экономику путем бартера. Выгода такого пути – в сокрытии доходов и затруднении налогообложения.

Большинство аналитиков называют цифру примерно 70 % экономических транзакций между предприятиями на основе бартера^{*}. Рыночные цены служат базой для обменного курса с надбавкой, зависящей от спроса на обмениваемый товар. Если нефть меняется на квартиры, обменный курс в пользу нефти; кирпич лучше леса^{**}. Экономические транзакции совершаются через «бартерные цепи» большой протяженности, в которых исходное предприятие организует ряд обменов, чтобы получить нужный товар за собственную продукцию. Заводу железобетонных изделий нужна сталь. Директор едет к металлургам узнать, что им нужно. Если уголь, директор идет к менеджерам шахты, узнает, что их интересуют квартиры. Цепь замкнута: панели – строителям, квартиры – шахтерам, уголь – металлургам, сталь везут на завод ЖБИ.

Такие цепочки породили обилие псевдоденег. Крупные производители нефти, стали, региональные министерства финансов выпускают расписки, векселя, торгуемые с дисконтом. Часто исходная компания не признает номинальной цены своих векселей. Региональные налоги платятся натурой, регионы создают клиринговые центры для перераспределения ресурсов, что можно называть возвратом к зародышевой и скрытой плановой системе. Но бартер – не наследие советского планирования, отмененного и в 1992–1993 гг. Лишь позднее стабилизация и фактическое банкротство большинства предприятий вернули бартер как средство выживания. Д. Вудраф¹⁵ показал, что бартерные отношения – реакция на стихию рынка, защита региональных экономик от разрушительных колебаний стоимости денег, спровоцированных международными спекулянтами и государством, транснациональными финансовыми сетями. Если бартерные цепи воссоздадут сетевые отношения, существовавшие в советской экономике, то вынужденно; это ответ на слабость регулирования сферы обращения в стране. Итак, вместо великой трансформации мы имеем великую инволюцию. Вместо динамичного рыночного общества, защищенного и подвижного активным обществом, взаимодействующим с регулятивным государством, – общество, опрометчиво отступающее от рынка, танцующее под музыку глобальных финансовых рынков, и экономику, состоящую из бартерных сетей. Если в Англии и Европе рынок создал гражданское общество, связанное с государством, в России мало общественной жизни вне пустеющей оболочки многофункциональных предприятий, с одной стороны, и местной власти – с другой. Вместо гражданского общества – *сетевое общество* – тонкие нити взаимосвязанных натуральных домохозяйств без институциональных узлов, характерных для развитого капитализма.

Классовые основы инволюции. Мы подошли к вопросу отношений между экономической инволюцией и инволюцией общества и политической сферы. Ведет ли инволюция экономики с необходимостью к инволюции общества и политики? Углубляет ли инволюция общества и политики инволюцию экономики? Каковы причинные механизмы связи тех и других?

Конечно, экономическая трансформация создает материальные основы прочного государства и цветущего общества, ресурсы для защиты и воспроизводства рабочей силы, земли и денег. Без экономической трансформации нет прочной синергии государства и общества. Но Поланьи больше

---

^{*} В 1999 г. начались перемены. Деньги вытеснили бартер. Это не перманентная перемена, как в 1992–1993 гг. Мощь посредников не убыла, сейчас они монополизировали ценообразование.

^{**} Лучший подробный анализ движения в сфере обмена¹⁴. На первой фазе реформ монетаризация, на второй – уход от банкротства через наличную рублевую национальную экономику, использование бартера и эрзац-денег при содействии местных властей. На третьей в поддержку бартера на местах втягивается центральная власть.

интересовался обратной каузальностью – от синергии государства и общества к экономической трансформации^{*}. Почему некоторые государства – эффективные регуляторы, а другие с позором провалились? У Поланьи два рода аргументов. С одной стороны, он считает, что государства спонтанно проявляют регулятивное вмешательство для баланса интересов рынка и общества. С другой – классы – механизмы общего интереса. Объясняя разницу между переходом к рынку Англии и России (один переход к трансформации, другой – к инволюции), я тоже предлагаю рассмотреть классовый характер двух переходов: 1) производственная буржуазия возникает как сила-гегемон в национальном и мировом масштабе; 2) торгово-финансовая буржуазия, зависящая от тесных связей с государством, становится придатком международного капитала.

У Поланьи идеология играет важную роль в формировании развития в Англии. Кредо либералов-политэкономов гальванизировало не только буржуазию, но и проникло в опыт нижних классов, самое важное – рабочих. Рыночный утопизм овладел воображением народа, так как производящий класс действительно мог представить свои интересы как всеобщие, ибо стало возможным координировать материальный уровень жизни капитала и труда, а также потому, что сила рабочих была реальной. Капитал зависел от труда. Развитие организации рабочего класса в XIX в. плюс государственные ограничения на движение рабочих вынудили капитал строить новые стратегии накопления – выжимание пота заменяли новыми машинами.

В России переход шел в обратном направлении. При советской власти рабочий класс был центральным игроком политической экономики идеологически и практически. Как я показал, экономика дефицитов усиливала позиции рабочих, они фактически контролировали производство. Для партийного государства было важно не просто господствовать, но и добиваться активного согласия рабочего класса. Идеологически роль пролетариата имела и материальные основы. С распадом административной экономики и переходом власти от номенклатуры к финансово-торговой буржуазии, сконцентрированной вокруг банков, торговли, мафии и эксплуатации природных ресурсов, промышленность рухнула, рабочий класс стал лишним остатком прошлого. Либеральное кредо новых русских, далекое от поддержки основной массы населения, стало слабым прикрытием оправдания и легитимации узких интересов. Может быть, вначале потребительство привлекало, но ожидания были перечеркнуты; работники беднели; росли враждебность, оппозиция, цинизм в сочетании с ностальгией по светлому прошлому. Своерачивание производства и слабость государства разрушали почву под ногами рабочего класса, у него не было коллективной воли быть эффективной оппозицией. Кроме отдельных вспышек недовольства, лишь шахтеры организовали общенациональные стачки, требуя выплаты долгов по зарплате. Но даже они были в безнадежном положении: шахты закрывали по решению правительства и Всемирного банка.

Государство, как и идеология, стало правой рукой нового торгово-финансового капитала. У Поланьи государство Англии представляет «коллективные интересы», добиваясь баланса рынка и общества. В России государство похитила финансово-природно-ресурсно-медийная олигархия. Ключевое избрание Ельцина в 1996 г. она обменяла на акции (по дисконтным ценам) самых прибыльных предприятий страны, организовала пере-

^{*} Политические и социальные условия экономических трансформаций освещены во многих работах¹⁶.

становки в кабинете Ельцина и более или менее диктовала политику исполнительной ветви власти. В спекулятивных интересах финансовой олигархии исполнительная власть государства проводила политику заимствований у западных банков, сотрудничала со Всемирным банком и МВФ по условиям заимствований. Хотя Дума прочно укоренилась в экономике страны, она слишком слаба, чтобы нейтрализовать сговор все еще сильной исполнительной власти с олигархией.

Наконец, классовая основа инволюции объясняет разные пути вхождения в мировую экономику. Англия в XIX и Россия в конце XX в. занимали полярные позиции в мировой экономике. Одна искала по всему миру новые рынки и дешевые ресурсы; другая тратит внутренние накопления, природные и человеческие ресурсы. Изменилось и глобальное устройство. Транснациональные процессы сейчас важнее, чем прежде, поскольку вбивают клин между глобальным городом России – Москвой и отстающими провинциями. Россия поляризуется: гипермодерный мир обмена валют и международных потоков товаров соседствует с домодерным миром бартера, торговли, мелкого производства, натурального крестьянского хозяйства¹⁷.

Центр интегрируется в передовые сети глобального информационного общества, провинции бредут в противоположном направлении к неофеодализму. Парцеллярный суверенитет феодальных времен повторен российским сюзеренитетом регионов. Их локальные экономики организованы неэкономическими силами – рэкетом мафий, связанных с локальным патримонильным государством. Трудящиеся классы все больше обращаются к натуральному хозяйству, мелкой торговле, семейным обменам, полагаясь на зарплату лишь для приобретения важных продуктов, которые сами произвести не могут. Их неоплачиваемый «наемный труд» стал рентой для минимальной социальной защиты, здравоохранения, помощи детям, инвалидности и пенсий по старости, пособий по безработице, надбавок к зарплате, субсидий на жилье и содержание детей. Общество, рыхлое и примитивное, отрезано от бури и натиска московской политики.

Россия в сравнительной перспективе. Пытаясь понять суть опыта России после 1991 г., я использовал анализ Поланьи Англии XIX в. В общем плане можно сказать: переход длиною в век сжат до десяти лет в истории России. Но, казалось, давно решенные вопросы: экономическая, социальная, политическая трансформация недостижимы для тех, кто шел к рынку в наше время. В России последствия перехода к рынку особенно разрушительны. Должен ли был этот переход быть таким? Была ли Россия обречена идти к инволюции экономики и общества? Проще сказать: это было неизбежно, поскольку Россия исторически враждебна к капитализму. Компаративный анализ дает другой ответ. Сравнение траекторий России со странами Центральной Европы показывает значение альтернативных стратегий.

1. Предшествующие условия. У Венгрии и Польши было гораздо больше предпосылок рынка. От валового планирования, господствовавшего в советской экономике, здесь отказались в 1970-е гг.; возникли фискальное планирование, рыночная торговля, розница, выросла автономия сельского хозяйства. Распад партии-государства в Венгрии и Польше обнажил цветущую предпринимательскую экономику; в России он лишь добавил мощи крупным монополиям-конгломератам; они и дальше господствовали в экономике.

2. Налицо альтернативы стратегий перехода. Именно потому, что Россия столь отстала в развитии рыночной экономики, она попыталась за одну ночь путем радикальных реформ и драматических планов, начиная с плана

«500 дней», перейти к капитализму. Но сама скорость этой попытки вызвала слом административной системы и переход власти в руки конгломератов. В Чехии правительство много говорило о благах рынка и важности радикальных перемен. На деле оно шло путем медленной эволюции, протекционизма в торговой политике, контролируемой либерализации цен и постепенной приватизации. Венгрия всегда шла путем эволюции. В Польше правительство «Солидарности» провело шоковую терапию с противоречивыми результатами, пока социал-демократы не вернулись во власть и не ввели более государственный, эволюционный курс. Разителен контраст с Китаем. С 1990-х гг. экономика Китая растет темпами упадка экономики России. Государство способствовало росту частного сектора, проводило жесткое бюджетное ограничение госмонополий¹⁸. Госпартбюрократия управляет экономикой, координирует общественный и частный секторы, администрируемые и частные предприятия. Вхождение в глобальную экономику происходило на условиях бюрократии развивающегося государства, а не финансово-торговой олигархии. Можно сказать, что, в отличие от вынужденного перехода без трансформации в России, Китай совершил развитие-трансформацию, но без перехода к рыночной экономике. Как и неолiberaлы – вдохновители исхода России из коммунизма, Поланьи полагал, что переход и есть трансформация. Сегодня опыт стран третьего мира, России свидетельствует, что переход не только не ведет к трансформации, но фактически стимулирует обратное – в случае России я назвал это инволюцией. Опыт Китая показывает, что государственный социализм может обеспечить основы расцвета рыночной экономики, развивая синергию государства-общества; для Поланьи это данное. Россия утратила такую возможность, став жертвой программы разрушения государственной экономики, как будто разрушение самодостаточно для генезиса нового. Китай шел путем реформ к трансформации, Россия пришла революционным путем к инволюции.

¹ См.: Sachs J. Toward Glasnost in the IMF // Challenge. 1994. 47 (3) P. 4–11.

² См.: Aslund A. How Russia Became a Market Economy. Washington, 1995.

³ См.: Gaddy C., Iskes B. Russia's Virtual Economy // Foreign Affairs. September – October 1998. P. 53–67.

⁴ См.: Murrell P. Can neoclassical economics underpin the reform of centrally planned economies // J. of Economic Perspectives. 1991. 5 (4). P. 59–78; Idem. Evolution in economics and in the economic reform of the centrally planned economies // The Emergence of Market Economies in Eastern Europe. Ch. Clague, G.C. Rausser (eds.). Oxford, 1992. P. 35–54; Poznanski K. Poland's Protracted Transition: Institutional Change and Economic Growth, 1970–1994. Cambridge, 1996; Idem. The Postcommunist Transition as an Institutional Disintegration: Explaining the Regional Economic Recession. Unpublished Manuscript. Washington, 1999; Stiglitz J. Whither Reform? Ten Years of the Transition. Keynote Address at the World Bank Annual Conference on Development Economics. Washington, April 28–30, 1999.

⁵ См.: Burawoy M. The State and Economic Involution: Russia through a Chinese Lens // World Development. 1996. 24. P. 1105–1117; Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Involution and Destitution in Capitalist Russia // Ethnography. 2002. 1 (1). P. 4–65.

⁶ Geertz C. Agrarian Involution. Berkeley, 1963. P. 63.

⁷ См.: Stark D., Bruszt L. Postsocialist Pathways: Transforming Politics and Property in East Central Europe. Cambridge, 1998. P. 3; Bryant Ch., Mokrzycki E. Introduction: the pricing the changes in East-Central Europe. P. 1–14 // The New Great Transformation. Ch. Bryant, E. Mokrzycki (eds.). London, 1994.

⁸ См.: Glasman M. The Great Deformation: Polanyi, Poland and the Terrors of Planned Spontaneity. // The New Great Transformation. London, 1994; Idem. Unnecessary Suffering. London, 1996. P. 191–217.

⁹ См.: Gustafson T. Capitalism Russian-Style. Cambridge, 1999.

¹⁰ См.: Block R., Somers M. Speenhamland, Perversity, and Naturalism: Ideational Embeddedness in Welfare Reform. Unpublished MS, 1999; Somers M. Citizenship and the Place of

the public Sphere: Law, Community and Political Culture in the Transition to democracy // *Am. Sociological Review*. 1993. Vol. 58(5). P. 587–620.

¹¹ См.: *C a s t e l l s M . , K i s e l y o v a E . // Russia and the Network Society: An Analytical Exploration. Paper. Prepared for the Conference // Russia at the end of the 20th. Century. School of Humanities, Stanford University, 5–7 November 1998. Stanford, 1998.*

¹² См.: *W o o d r u f f D . Money Unmade: Barter and the Fate of Russian Capitalism. Ithaca, 1999.*

¹³ См.: *K i t c h i n g G . The Development of Agrarian Capitalism in Russia 1991–1997: Some Observations from Fieldwork // J. of Peasant Studies. Vol. 25. № 3 (April 1998). P. 1–30; I d e m . The Revenge of the peasant: The Collapse of Large-Scale Russian agriculture and the role of the peasant 'private plot' in that Collapse // J. of Peasant Studies. 1998. 26 (1). P. 43–81.*

¹⁴ См.: *W o o d r u f f D . Money Unmade: Barter and the Fate of Russian Capitalism. Ithaca, 1999.*

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: *E v a n s P . Embedded Autonomy. Princeton, 1995; I d e m . State-Society Synergy: Government and Social Capital in Development. Berkeley, 1997; P o z n a n s k i K . Poland's Protracted Transition: Institutional Change and Economic Growth, 1970–1994. Cambridge, 1996.*

¹⁷ См.: *C a s t e l l s M . , K i s e l y o v a E . // Russia and the Network Society: An Analytical Exploration. Paper. Prepared for the Conference // Russia at the end of the 20th. Century. School of Humanities, Stanford University, 5–7 November 1998. Stanford, 1998.*

¹⁸ См.: *N a u g h i o n B . Growing Out of the Plan: Chinese Economic Reform, 1978–1993. New York, 1995; O i J . C . Rural China Takes off: Institutional Foundations of Economic Reform. Berkeley, 1999; Cambridge, 1996; R a w s k i T . Progress without privatization // *Changing Political Economies. Boulder, 1994. P. 27–52; W a l d e r A . Corporate organization and local government property rights in China // Ibid. P. 53–66.**

Поступила в редакцию 18.06.10.